

ПРОТИВОРѢЧІЯ И УВЛЕЧЕНІЯ «ВРЕМЕНИ»

«Сѣверная Пчела» въ своемъ 165 № дѣлаетъ намъ сильныя упреки за наши противорѣчія, за полемику и даже за наши увлеченія. Такъ-какъ у насъ остается нѣсколько времени и мѣста, то мы хотимъ показать нашимъ читателямъ образчикъ той критики, которая, если не господствуетъ, то все еще проживаетъ въ нашей литературѣ. Объ насъ уже много говорили газеты и журналы. Много лестныхъ отзывовъ, но много и нападокъ, явныхъ придирокъ и даже непріязни мы уже успѣли встрѣтить въ разныхъ нашихъ изданіяхъ. Мы молчали, говорили только тогда, когда, по нашему, было нужно, т. е. когда дѣло касалось не лично до «Времени», а касалось до извѣстныхъ идей, до извѣстныхъ убѣжденій, слишкомъ дорогихъ въ наше время, чтобъ объ нихъ можно было молчать; кому же «Время» не щепетильно и о немъ можно говорить многое не раздражая его. Но на этотъ разъ намъ вздумалось поговорить: представляется хорошій случай разомъ отвѣтить на многія обвиненія. Подвернулась «Сѣверная Пчела»... очень рады; поведемъ съ ней бесѣду.

Она насъ упрекаетъ въ противорѣчіяхъ: начнемъ съ противорѣчій.

Въ одной изъ нашихъ критикъ мы сказали:

«...учите (ребенка) всему, все ему открывайте, но оставляйте почаще его душу въ покоѣ, *давайте ему то, чего онъ передѣлать не можетъ; знаніе не передѣлывается, а пониманіе измѣняется.* И пусть онъ смотритъ на все, *какъ ему удобно; потомъ жизнь научить; а ужъ кого жизнь не научить, того вамъ не научить...*» (все подчеркнуто «Сѣверной Пчелой».)

• Другими словами (продолжаетъ «Пчела»): дайте ему факты, но не смыслъ фактовъ; Боже васъ сохрани — толковать факты, чтобъ ваше

дитя понимало ихъ такъ какъ понимаете вы : сама жизнь должна ему растолковать ихъ ...

Совершенно вѣрно и мы согласны на такое толкованіе. Конечно лучше, если ребенокъ съ малыхъ лѣтъ будетъ приучаться *самъ* къ осмысливанію фактовъ. Большой, онъ будетъ судить самостоятельно; онъ будетъ «смыслъ свое сужденіе имѣть», онъ будетъ имѣть свое собственное лицо, свою собственную физиономію, и не будетъ тѣмъ стертымъ пятиалтыннымъ, которые такъ часто встречаются въ жизни и... въ литературѣ. Разумѣется (да и ктожь этого не разумѣетъ) совершенно безъ объясненія фактовъ, хотя бы вы дѣло имѣли и съ ребенкомъ — невозможно. Уже одно то, что противъ родительскаго чувства, или противъ чувства, преданнаго дѣлу воспитателя, идти нельзя; какъ могутъ они удержаться, чтобъ не объяснить своимъ дѣтямъ фактовъ, съ той именно точки зрѣнія, которую они считаютъ спасительной? Но это объясненіе, эти *указанныя напередъ* точки зрѣнія, должны быть сдѣланы слишкомъ осторожно, — вотъ что мы хотѣли сказать. Мы именно говоримъ: «*почаще* оставляйте его душу въ покоѣ», а не *всегда*, какъ вы рѣзко насъ перетолковали. Факты и познанія ребенокъ не можетъ передѣлать, а тотъ *смыслъ*, то *пониманіе фактовъ* (подчеркиваемъ это въ угоду «Сѣверной Пчелѣ»), которые вы ему насильно навязываете, подвергнется въ его душѣ сильной и можетъ-быть мучительной переработкѣ; можетъ-быть, послѣ многихъ неудачъ, ошибокъ и самообольщеній въ жизни, онъ проклянетъ своихъ учителей, навязавшихъ ему свои вѣрованія и страсти. Все это можетъ случиться съ нимъ, если вы не успѣете подавить въ немъ индивидуальность и характеръ, и ничего подобнаго не случится, если вмѣсто человека своими толкованіями вы выпустите на свѣтъ божій забавную обезьянку или ученаго попугая, который все будетъ повторять чужія слова, т. е. ваши же слова, наше ученіе, а этому ученію уже и время прошло.

Само собою разумѣется, что крайности всегда вредны, и мы вовсе не хотимъ, чтобъ при воспитаніи къ нимъ прибѣгали.

Замѣтите, что все это нами сказано журналу «Учитель», который ужъ слишкомъ, по нашему мнѣнію, хлопочетъ о стертыхъ пятиалтынныхъ. Оттого-то мы и были къ нему такъ строги, не смотря на то, что онъ журналъ новый и издается очень добросовѣстно. «Сѣверная Пчела» сильно упрекаетъ насъ за то, что мы напали на журналъ новый и издаваемый добросовѣстно, хотя его направленіе «*можетъ-быть* немножко одностороннее и *клякское*», прибавляетъ

она. Все это прекрасно, но для насъ воспитаніе нашего молодого поколѣнія дороже всякихъ «Учителей». *Можетъ-быть*, скажемъ и мы въ свою очередь, его метода хороша въ Германіи. Мало ли что можетъ быть хорошо въ Германіи. Педагогика—наука наиболѣе нѣмецкая; нѣмецкихъ дѣтей муштрують по ея правиламъ самымъ добросовѣстнымъ образомъ, а вѣдь нельзя сказать, чтобъ нѣмцы могли служить идеалами человѣчества.

Можетъ-быть, повторяемъ, эта метода и хороша въ Германіи, а у насъ она была бы *положительно* вредна. Вотъ почему такъ рѣзко мы и сказали о ней свое мнѣніе.

Но гдѣ же противорѣчія? А вотъ извольте послушать.

И такъ, говорятъ «Пчела», въ этой статьѣ вы говорите, что не должно дѣтямъ слишкомъ толковать факты, т. е. ихъ значеніе, т. е. осмысливать ихъ. Вѣдь не должно?

— Не должно, отвѣчаемъ мы въ извѣстномъ нашемъ смыслѣ.

— А какъ же у васъ въ другой статьѣ, именно въ критикѣ «Энциклопедическаго Лексикона» говорится, что «фактъ самъ по себѣ, голый фактъ, почти ничего не значить», и вы упрекаете редакцію Лексикона за то, что она не осмысливаетъ, не освѣщаетъ фактовъ никакою идеей? Вѣдь вы говорите это?

— Говоримъ.

— А развѣ это не противорѣчіе?

— Противорѣчіе, сознаемся мы. Да еще такіа ли у насъ есть противорѣчія? Стоитъ только поискать да порыться. У насъ, напротивъ въ одной и той же книгѣ нашего журнала въ одномъ мѣстѣ говорится: «дѣтямъ нужно преподавать исторію какъ можно короче и отрывочнѣе», а не далѣе какъ черезъ десять страницъ, въ другой статьѣ — вы можете прочесть слѣдующую мысль: «...исторія, — такая наука, которою посвятившій себя историческимъ изслѣдованіямъ долженъ долго и кропотливо заниматься, долженъ заниматься всю свою жизнь, изучать всѣ ея подробности, потому что иногда одна такая нибудь, повидимому и маловажная подробность можетъ освѣтить цѣлую эпоху и т. д.»

Вотъ это такъ противорѣчіе. Хорошо что «Пчела» не побоялась порыться и поискать и не упрекнула насъ имъ. Впрочемъ мы, такъ и быть, исправимся и теперь же скажемъ, что если кому-нибудь придетъ новая мысль издать Энциклопедическій словарь *для дѣтей*, то мы будемъ советовать издателю давать одинъ только факты и не очень стараться освѣщать ихъ идеями. Для дѣтей это не нужно.

Да и для «Пчелы» кажется тоже очень-то не надо бы их освѣщать. Вѣдь вотъ, если освѣтить идеей фактъ *отыскиванія у насъ протнворѣчій* почтенною газетой, то выйдетъ пожалуй вещь несовсѣмъ хорошая. Вѣдь тѣ, которымъ придется фантазія освѣтить этотъ фактъ, пожалуй спросятъ, вслѣдствіе какихъ поводовъ газета отыскиваетъ, роется и находитъ у насъ *такія* протнворѣчія?

Что мы тогда отвѣтимъ, какъ вы думаете, «Пчела»?

А теперь нѣсколько словъ о нашихъ нелѣпостяхъ.

«Что, напримѣръ, скажете вы объ этихъ высокоумныхъ фразахъ?» спрашиваетъ любопытная «Пчела», и дѣлаетъ все изъ той же статьи объ «Учителѣ» слѣдующую выписку:

• Мнѣ кажется, что *главная* задача чтенія — читать *машинально*; иначе всю жизнь придется читать по складамъ. И правильно писать нужно научиться именно *машинально*, чтобы *сама рука писала безъ ошибокъ*, иначе никогда правильно писать не будешь (что за логика)! *Также точно* нужно научиться *всегда* хорошо и *честно* поступать *машинально*, т. е. въ силу привычки, а не соображенія (?): думать во время дѣйствія поздно; нужно раньше (отлично!) Все искусства состоятъ въ этомъ (будто?), и только при такомъ навикѣ возможны самоуверенность и спокойствіе, *которыя облаютъ возможнымъ и размышленіемъ въ рѣшительныя минуты*. Но, *выновать, я увлекся...* • Дѣйствительно ужъ черевъ чуръ увлеклись, продолжаетъ «Пчела»...

Слѣдуетъ маленькое, но весьма рутинное глумленьеце. Кстати: всѣ мѣста, напечатанныя курсивомъ, подчеркнуты «Пчелой». Она же и снабдила ихъ обычными и уже порядочно устарѣлыми восклицаніями въ скобкахъ.

А вѣдь напрасно поглумилась «Пчела». Вѣдь ей сейчасъ стыдно будетъ за своего сотрудника, который, *оборвавшись* на протнворѣчійхъ, сейчасъ оборвется и на этой выпискѣ.

Вѣдь въ самомъ дѣлѣ конечная цѣль ученія чтенію и письму состоитъ въ томъ, чтобъ дойти до того предѣла, когда начнешь читать и писать *машинально*. Неужели и это нужно объяснять? Вѣдь, право, нѣкоторыя вещи объяснять даже совѣстно. Какъ вы станете объяснять, что дважды два — четыре и тому подобныя истины? Но дѣлать нечего: вы требуете — извольте. Будемъ объяснять и это.

Когда вы еще нетверды въ чтеніи, вы читаете по складамъ; вашъ глазъ не обнимаетъ еще всего слова, всей фразы. Вѣдь напримѣръ мы съ вами, достойный сотрудникъ «Пчелы», мы читаемъ *машинально*. Мы съ вами начали читать *машинально* съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ стали находить удовольствіе въ чтеніи разныхъ

книжечъ. Мы уже не спотинемся съ вами не только на словѣ, но даже и на цѣлой фразѣ. Это случается только съ дѣтьми, да съ какии-нибудь сельскимъ грамотѣемъ, которому еще несовсѣмъ далась грамота и который еще не дошолъ до машинальности чтенія. Мы же съ вами, смѣемъ увѣрить васъ, читаемъ *машинально*. А вы этого еще не знали, не знали, что всю свою жизнь говорили прозой?

Насчетъ письма мы тоже съ вами, достойный сотрудникъ, давно уже говоримъ прозой, т. е. пишемъ *машинально*. Неужели и это еще пояснять прикажете? Когда мы печатали приведенный вами отрывокъ, мы думали, что говоримъ очень ясно. Правда, мы думали, что пишемъ дѣло съ публикой, съ обыкновенными читателями, которые понимаютъ вещи такъ какъ онѣ передаются. Мы совсѣмъ и забыли, что насъ будетъ читать не одна публика, и не приняли въ расчетъ нѣкоторыхъ публицистовъ. Впередъ будемъ осторожнѣе, будемъ пояснять всякую фразу, и если намъ придется, наприимѣръ, гдѣ-нибудь выразить самую простую мысль, что «нѣкоторые люди туго на пониманіе», то непременно объяснимъ, какъ и почему, и по этому поводу коснемся устройства человеческого мозга, а главное, пояснимъ, что иногда эта тугость пониманія происходитъ не отъ устройства головы, а отъ нехотѣнія понимать, отъ желанія придаться во что бы то ни стало къ смыслу или фразѣ, отъ взаимныхъ отношеній пишущаго къ критикующему. Однимъ словомъ, будемъ пояснять все, чтобъ только угодить вамъ.

Вотъ и теперь, позвольте вамъ объяснить, что мы съ вами и пишемъ тоже *машинально*. Вѣдь мы съ вами не думаемъ, когда пишемъ, гдѣ ставить букву *ь*, гдѣ *е*, гдѣ запятую, точку съ запятой и т. п. Они ставятся у насъ *сами собою*. Это значить, что мы съ вами достигли извѣстнаго мастерства въ писаньи, и что еслибъ мы задумывались наприимѣръ надъ этими буквами и знаками, то мы были бы съ вами еще только учениками. Но изъ этого еще вовсе не слѣдуетъ, что мы не должны и думать о томъ что пишемъ. Иногда вѣдь и это бываетъ: зато и попадаешься въ просакъ.

Точно такъ и въ искусствахъ. Пьянисть, наприимѣръ (настоящій пьянисть, а не ученикъ), играетъ знакомый ему пассажъ вовсе не задумываясь надъ тѣми нотами, которыя перебираются его пальцами. Живописецъ, кладя краски, вовсе не думаетъ какъ повернуть ему кисть или дернуть рукой, чтобъ вышелъ эффектный, лихой мазокъ. Онъ у него выходитъ *машинально*. Скульпторъ, актеръ, изучившій роль свою, сльдфа, порхающая на сценѣ, поступаютъ

точно также, т. е. машинально, если они достигли известнаго мастерства.

Точно также и честно поступать мы должны приучиться машинально, инстинктивно. Тутъ, достойный сотрудникъ, вы сдѣлали одинъ вопросительный знакъ и поставили въ скобкахъ два словечка: *будто? отлично!* Очень жаль, что вы этого не поняли и что это показалось вамъ греческимъ языкомъ, тарабарской грамотой.

А между тѣмъ это очень понятно. Есть случаи въ жизни, и ихъ много, которые такъ близко касаются чувства чести, что истинно честный человѣкъ рѣшается въ такихъ случаяхъ вдругъ, именно машинально. Онъ не станетъ обдумывать своего рѣшенія, потому что покраснѣлъ бы отъ стыда, при одной мысли, что могъ колебаться и повести хоть на минуту торгъ съ совѣстью. Кажется, это очень понятно. Вы сами, достойный сотрудникъ, безъ всякаго сомнѣнія, очень часто поступали машинально въ своей жизни.

Надѣмся, вы насъ теперь совершенно поняли и не разсердитесь на насъ, если мы изъ чувства возмездія, даже просто изъ чувства самаго обыкновеннаго и очень позволительнаго въ нашемъ положеніи, желанія отплатить вамъ чѣмъ-нибудь, кольнуть васъ какъ-нибудь за всѣ ваши недобросовѣстные придири — надѣмся, что вы позволите намъ выписать одно мѣсто изъ вашей образцовой статьи?

Ужъ позвольте, сдѣлайте милость, и не сердитесь очень.

Вотъ это мѣсто:

«Вотъ хоть бы «Время», гдѣ напечатана приведенная нами характеристика нашей критики (*) — первая двѣ его книжки представили намъ нѣсколько здравыхъ и дѣльных критическихъ замѣтокъ, за что мы съ удовольствіемъ приветствовали новый журналъ. Но въ послѣдующихъ книжкахъ оказалось, что новый журналъ рѣшился во что бы то ни стало прослыть журналомъ полемическимъ, и въ своей горючести на этотъ поприщъ договаривается до такихъ фразъ, что послѣ, по-видимому, и самому дѣлается совѣстно и приходится оправдываться увлеченіемъ (эти фразы, прибавимъ отъ себя, мы уже выписали и сейчасъ отвѣчали на нихъ). Конечно, увлеченіе молодости въ глазахъ судьи часто имѣетъ значеніе и смягчаетъ наказаніе; но отъ литературнаго органа мы вправдѣ ожидать болѣе мужественной зрѣлости, безъ излѣпленных юношескихъ увлеченій, чтобы не приходилось прилагать къ нимъ известную фразу: *молодо, зелено!* Странно, если Редація, въ своей поме-

(*) «Сѣверная Пчела» выписываетъ длинную тираду изъ одной нашей критики и почитаемому остается ею очень довольна.

мической зашлѣчивости, будетъ замѣчать безпрестанныя противурѣчія въ своемъ изданіи тогда только, когда другіе на то укажутъ ей : (впередъ только, опять таки прибавляемъ мы, указывайте намъ на дѣйствительныя противурѣчія, а не на воображаемыя вами. Въдъ отъ такихъ указаній, какія вы намъ сдѣлали и которыя мы сейчасъ разобрали, не намъ приходится совѣститься и краснѣть за нихъ) какое же довѣріе можетъ имѣть публика къ ея критическимъ сужденіямъ?.

- Вотъ вы насъ страшаете гнѣвомъ публики, а сами, пошдиному, вовсе не боитесь ея гнѣва и равнодушія. Неужели вы думаете, что это критика? что вы насъ дѣльно разобрали? Если допустить, что у насъ вы дѣйствительно отыскали одно противурѣчіе и выставили его на показъ публики, то неужели вы думаете, что такъ ужъ насъ вы и убили? Ктожъ не знаетъ, что въ двѣнадцати книгахъ въ годъ, въ любомъ журналѣ, безъ большихъ натяжекъ можно отыскать нѣсколько противурѣчій? Въдъ не думаете же вы, какъ нѣкоторые господа, неумѣющіе читать *машинально*, что всю книгу пишетъ кто-нибудь одинъ. Въдъ не можетъ же быть, чтобъ всѣ сотрудники журна́ла мыслили, желали и вѣрили какъ одинъ человекъ. Противурѣчія всегда будутъ. Только въ хорошемъ журналѣ эти противурѣчія будутъ заключаться въ какихъ-нибудь мелкихъ подробностяхъ, о которыхъ и говорить не стоитъ. Хорошая критика все это знаетъ и къ пустякамъ не придирается. Лишь бы главная мысль проводилась послѣдовательно и безъ противурѣчій. Когда вашъ сотрудникъ писалъ на насъ свою діатрибу (замѣтте, милая сестра по ремеслу, что мы винимъ одного вашего сотрудника, а не васъ, затѣмъ что вамъ, существу такому легкому и трудолюбивому, не угладѣть за всѣми вашими : делами и трутнями), онъ вѣроятно не думалъ о публикѣ. И что же вышло? Онъ не только не уличилъ насъ, но еще вдобавокъ мы даримъ ему педагогическое правило, что дескать не все то годится для дѣтей, что необходимо для взрослыхъ; вмѣсто чепухи и нелѣпостей оказывается, что чепуха-то и нелѣпность сидятъ не въ нашемъ журналѣ.

Вотъ хоть бы то мѣсто, гдѣ вы говорите, что двѣ первыя книжки наши были хороши, но что потомъ мы захотѣли стать журналомъ полемическимъ и пошли у насъ противурѣчія, нелѣпости и разныя увлеченія. А съ первыхъ же двухъ книжекъ и началась у насъ полемика. Какъ же вы этого не замѣтили? Можетъ-быть потому не замѣтили, что въ нихъ полемическія статьи не отдѣлены отъ критическихъ. Впослѣдствіи мы всѣ ихъ отвесили въ «Снѣсь» и такимъ образомъ, онѣ стали для васъ виднѣе. Съ самаго начала мы хотѣли полемики. Въ самомъ объявленіи объ изданіи нашего

журнала, мы сказали, что на критику и на полемику обратимъ особенное вниманіе. Скажемъ болѣе: мы и не можемъ не быть полемическимъ журналомъ. Наши убѣжденія, и литературныя и политическія и общественныя, идутъ въ разрѣзъ съ убѣжденіями многихъ нашихъ журналовъ. Мы должны отстаивать то, во что вѣримъ, и потому и споримъ и полемизируемъ. Прочтите наше объявленіе объ изданіи нашего журнала на 1861 годъ, и вы увидите, что мы поступаемъ совершенно послѣдовательно, и что иначе мы и поступать не можемъ....

Но вамъ не нравится полемика?

Въ самомъ-дѣлѣ, бросимъ ее и будемъ лучше «уважать другъ друга».